

Эмиль Миланов, Болгария

«Международная славянская община Перун-2000»

София

КУЛЬТУРА ПАМЯТИ КАК КОРРЕКЦИЯ ИСТОРИИ

Аннотация

Отталкиваясь от основной идеи о взаимоопределяющей связи истории, памяти и культуры, т.е. от рассмотрения культуры памяти как корректора истории, в статье рассматриваются различные механизмы и социальные факторы этого явления. Непрерывные реконструкции коллективной памяти изменяют культуру памяти, делая ее, таким образом, существенной корректировкой истории. Особый акцент делается на изменениях и противоречиях, внесенных эпохой постмодерна в отношении истории и коллективной памяти, на радикальных изменениях в концепции характера и скорости становления и демонтажа идентичности сообществ, а также на различных предпосылках упадка национальной культуры и кризиса национальной памяти, среди которых переплетаются негативные последствия глобализации. В связи с кризисом сообществ и усилением поиска идентичности, в борьбе сообществ за идентичность и первенство усиливается использование прошлого. Сообщества проецируют свои противоречия, споры и конфликты в прошлое. Таким образом, коллективные травмы становятся средством ограничения памяти и идентичности сообщества. Их политическое использование приводит к серьёзным конфликтам, агрессивному этнонационализму, культурным войнам и религиозному

терроризму и, как таковое, представляет собой одну из серьёзных опасностей для человечества в 21 веке. Это подводит нас к этическому вопросу о том, какая память совместима со строительством справедливых политических институтов, которые служат людям и сообществам, и что является этически оправданной политикой памяти.

Ключевые слова: История, память, культура, идентичность, геополитика, глобализация

НЕКОТОРЫЕ ЛЮДИ НЕ ИЗВЛЕКАЮТ УЗРОКОВ ИЗ ИСТОРИИ И ПАМЯТЬ О НЕЙ, НО ТЕМ НЕ МЕНЕЕ ИХ РОЛИ РАСТУТ

История, память и культура взаимно обусловлены и всегда идут рука об руку. История может быть реальной, искаженной, измененной или полностью фальсифицированной, но память — это та человеческая функция, которая ее сохраняет. Без истории нет исторической памяти, а без памяти нет истории. В зависимости от ценностной системы субъекта культура выступает партнером-манипулятором или критиком-корректором истории. Одно из популярных определений культуры состоит в том, что она представляет собой небиологическую форму передачи опыта, в том числе опыта от одного поколения к другому, т.е. посредством культуры соединяются поколения и в этом смысле она является инструментом преемственности, по существу содержащим в себе идеи историчности и памяти. Люди умирают, но их истории остаются, и это особая характеристика человека (Halbwachs 1925).

Жалобы на то, что люди не учатся на уроках истории, являются обычным явлением. От Гегеля до Сантаяны раздаются стоны о том, что тот, кто не учится на истории, обречен пережить ее заново или что-то в этом роде. Однако эти жалобы игнорируют два очень важных момента. Во-первых, история или прошлое не даны натуралистически готовыми для изучения, а постоянно конструируются и реконструируются как в академической истории, так и тем более в коллективной памяти различных сообществ и в индивидуальной памяти индивидов.

Второй момент заключается в том, что идея об уроке истории предполагает повторяемость ситуаций и закономерностей поведения и принятия решений, тогда как в истории от Античности до наших дней слишком радикально меняются ситуации и требования к поведению в них. Современная эпоха не продолжает прошлое, а во многом порывает с традиционными обществами — и это объективная предпосылка для жалоб на то, что люди не извлекают уроков из прошлого. Современные общества «ориентированы на будущее», они очень мобильны, сложны, технологичны, и для большинства ситуаций в прошлом невозможно найти прецедентов. Считается даже, что успешные действия предполагают забвение прошлого, отказ от традиций и рутины, отказ от готовых алгоритмов, которые, может быть, и были эффективными для традиционных обществ, но не гарантируют успеха сегодня. Здесь мы можем обозначить позицию и политику глобализма. Продвигаемый по инициативе Запада и руководствующийся его политическими интересами, рассматриваемыми в геополитическом и геостратегическом плане, он пытается исказить, извратить и подменить историю народов. Уничтожить традиции, нравы, язык, обычаи, религию, культуру и письменность, навязывая чужие, обезличивая тем самым многие народы — миллионы людей и превратив их в управляемую рабскую массу (Lavabre 1992).

Однако, несмотря на все это, сегодня проблема истории и память о прошлом волнует отдельных людей и общества не меньше, чем вчера. Это сильнейшее оружие против иностранных интересов. Потребность в прошлом сильнее, чем в предыдущие периоды, но эта потребность имеет специфические функции и особенности, которые можно объяснить настоящим.

ИДЕЯ О РОЛИ ПАМЯТИ В КУЛЬТУРЕ

Идея о роли памяти в культуре и истории была впервые развита Морисом Хальбваксом в его работе «Социальные рамки памяти» (Halbwachs 1925). Однако эта работа долгое время оставалась относительно маргинальной, а проблема, которую она рассматривала, находилась на гребне теоретической волны с середины 1970-х годов, в контексте растущего осознания об относительности исторических знаний, о конфликте различных интерпретаций и «битвы за историю». В это время будут расцветать и приобретать

популярность исследования коллективной памяти и мест памяти многих авторов, среди которых во Франции выделяются Пьер Нора и Поль Рикёр (Millar 2016). Интерес к истории будет возрастать во многих местах мира, это факт, например, что с 1970-х годов, без какой-либо прямой связи между ними, во Франции и Болгарии наблюдается рост числа празднований событий и имен. Во Франции усиливается переосмысление военной истории и тот факт, что антисемитизм и французский коллаборационизм замалчивались, а роль голлистского и коммунистического сопротивления была преувеличена. В Болгарии начинаются грандиозные празднования 1300-летия образования Болгарского государства. Делается различие между историографией, которой занимается научное сообщество, опираясь на научные методы и критику, и память, предметом которой являются не специализированные исследователи, а отдельные личности или сообщества, например нация. Растет значение памяти как источника групповой идентичности, коллективного «я», механизма установления коллективных прав и требований. На этой основе будут процветать исследования в области социологии памяти, посвященные социально разделяемым представлениям прошлого, влияющие на современные идентичности, которые, в свою очередь, подпитывают эти интерпретации (Swidler 2001). Ставится вопрос, как формируется коллективная память из множества индивидуальных воспоминаний и как она, в свою очередь, влияет на индивидуальные воспоминания, как государственные институты и отдельные группы строят свою «политику памяти», связанную с чествованием значимых деятелей прошлого, памятники и названия общественных мест, содержание официальных государственных документов и учебников истории, стимулирование культурных продуктов, воспринимающих историю через определенную призму (Нора 2004).

Сегодня понятие «память» в культурно-историческом контексте имеет множество различных значений – более широких и более узких, оно включено в самые разные дискурсы. В самом широком смысле слова оно включает в себя каждый элемент культуры, который в той или иной форме представляет прошлое в наши дни, — это и памятники самого разного порядка, и следы разных периодов в каждом из элементов культуры, и все исторические исследования, описания, реконструкции, фестивали и традиции как коллективные формы увековечивания определенных событий. В

этом смысле вся история человечества представляет собой усовершенствование культурных инструментов передачи информации из прошлого в настоящее.

Память обычно понимается как когнитивная способность сохранять впечатления прошлого опыта, вспоминать или воспринимать и накапливать информацию для извлечения для последующего использования.

Память является основным посредником, посредством которого история-прошлое присутствует в настоящем отдельных субъектов. Его основных функций две. С одной стороны, это ключевой элемент идентичности — индивидуальной и коллективной.

Это создает стабильность для определенных субъектов, которые воспринимаются как существующие во времени. С другой стороны, оно организует, рационализирует, легитимизирует, оправдывает настоящее или какое-то настоящее поведение.

Индивидуальная память формирует ощущение преемственности, целостности, самобытности в индивидуальной человеческой жизни. Реальные варианты таких изменений — переписывание биографий — в массовом порядке после революционных переворотов. Даже во время Французской революции наблюдался синдром такого переписывания. Герцог Орлеанский переименовывает себя в Филиппа Эгалите и, будучи депутатом Национального собрания Франции, проголосует за обезглавливание своего родственника Людовика XVI. Бывшие священнослужители этого национального собрания, аббат Сийес и епископ Талейран, будут среди главных сторонников национализации церковной собственности и преследования ее лидеров. В Болгарии этот синдром массово наблюдался после 9 сентября 1944 г. и 10 ноября 1989 г. Каждая неудача, спотыкание, неудача в индивидуальной биографии переосмысливается и объясняется как репрессии или противостояние предыдущей системе. Высшие должностные лица Коммунистической партии Болгарии представляются «борцами с тоталитаризмом», скажут, что они наконец осознали ошибочность марксизма, и публично откажутся от него в печати. Речь идет не просто о лицемерии, а о перестановке ключевых моментов эмоциональной памяти (Калинова 2000, 30).

Это результат взаимодействия индивидуальных воспоминаний и различной «политики памяти», осуществляемой через различные сообщества и институты — семью, предприятие, село, регион, государство и т. д. Так формируются коллективные воспоминания о

прошлом, которые сокращают разнообразие воспоминаний отдельных индивидов и групп и конституируют реальность социальных групп как «структурированных сообществ» с общей символической реальностью. Прочное коллективное сообщество невозможно, если оно не основано на коллективной культуре памяти, на общих образах и воспоминаниях.

Характерный для современной эпохи идеал единой национальной и рациональной публичной сферы, воплощенный в представлениях о коммуникативной рациональности Хабермаса и критическом рационализме Поппера, вошли в историю вместе с процессом глобализации и плюрализации публичной сферы, которое также приводит к трансформации и плюрализации памяти о случившемся.

Коллективная память отличается от академической истории в нескольких ключевых отношениях (Berenbaum 1993; Hankins 1980; Butz 1980; Nordling 1991; Pressac 1993; Reitlinger 1968; Chech 1990; Verben 1975; Видал-Наке 2005).

Из-за этих различий академической исторической науки и коллективной памяти между ними всегда в той или иной степени существуют противоречия. Здесь необходимо подчеркнуть, что культура памяти является критиком и корректором попыток или уже достигнутых результатов искажения и подмены истории.

Культурно, гносеологически ориентированные историографии, претендующие на то, чтобы дать «истину» об истории прошлого, и политики памяти, предлагающие ценностно-эмоциональную организацию памяти с определенной прагматической ориентацией, часто вступают в противоречивые отношения (Тофлър 1992).

На каждом этапе коллективная память строится вокруг сущностей, воспринимаемых как «исторические», и игнорирует другие, которые считаются «незначительными», «второстепенными». Таким образом, она опирается на имплицитное представление о причинных связях, постулируя, что является ведущим, а что второстепенным в историческом процессе. Считается, например, что «история отсеет» существенное от незначительного, «скажет свое слово», выбросит на «свалку» то, что не важно... Таким образом, на каждом этапе истории ключевые места памяти или объекты памяти, символические системы, воплощающие сакральность, будут создаваться и разрушаться в зависимости от этих представлений. Некоторые памятники будут разрушены и созданы новые, переименованы деревни и объекты, переставлены основные фигуры и

события в учебниках истории, изменены основные авторы и произведения, изучаемые на уроках литературы. Там, где существуют этнические или религиозные священные места и им каким-то образом причинен вред, это обычно связано с серьезными конфликтными ситуациями и групповым восприятием осквернения. Именно поэтому, например, для значительной части болгарского населения предложение установить мемориальную доску Сулейман-паше на Шипке или строительство возле села Славейно в Родопах памятника Энихану бабе, считающемуся человеком, исламизировавшим Родопы, является кощунством. Это означает сакрализацию личностей, имеющих ярко выраженное негативное значение в сформировавшейся болгарской национальной памяти (Baddeley 1989, 55).

Отдельные социальные институты в той или иной степени играют роль хранилищ памяти, а среди наиболее мощных институциональных «резервуаров» памяти — религия, право и наука. Право и религия опираются на правила и прецеденты, необходимые для поддержания стабильности социального целого и способные нести информацию из далеких глубин истории. Это особенно характерно для правовых систем, основанных на прецедентах, и мировых религий. В свою очередь, наука создает базы данных письменных текстов и системы классификации, сохраняющие следы прошлого.

РОЛЬ ПАМЯТИ В СИТУАЦИЯХ ПЕРМЕН

Культура работает по-разному во времена затишья и во времена кризиса. Когда коллективная и индивидуальная идентичность принимаются как должное, прошлое не является проблемой. Однако ослабление точек опоры в современности, быстрые изменения, затрагивающие идентичность, резко повышают значение истории. Сегодня память используется как инструмент стабилизации, оправдания и самоозначения личности. Однако ее культура является критиком и корректировкой истории. Вот почему ее управление, ее использование в политике, посредством которой утверждается и используется идентичность, резко возрастает (Конквест 1974, 958–967).

Взрывная модернизация в обществе невозможна без переосмысления памяти, которая становится ключевым элементом политической легитимации больших сообществ национальных государств — историки, писатели, интеллектуалы становятся основной

социальной группой, конструирующей коллективную память, объединяющей сообщество посредством общих метафор, «корней», представлений. Национальная интеллигенция активно участвует в формировании национальной памяти, объединяя народы на основе общего исторического прошлого. Так, например, история в сознании болгарина начнет восприниматься так, как сохранилась память о соответствующем периоде в таких романах, как «Под иго-то», «Железният светилник», «Време разделно», «Тютюн», через стихи как «Опълченците на Шипка» и др. Строятся многочисленные национальные памятники, национальные символы внедряются в формирующиеся городские пространства. Так создается их национальная идентичность.

Национальная историография, конструирующая национальные истории, и образовательные системы, распространяющие соответствующее представление об истории, создают общие пантеоны, и все это является ключевым элементом развития и легитимации нации и национального государства (Getty et al. 1993).

Радикальные социальные изменения приводят к перестановке деления сакрального и профанного в пространствах, в которые включен человек. Это находит выражение в строительстве и разрушении памятников, изменении названий и мест памяти. Эти переходы происходят с острыми конфликтами и столкновениями, как это было в 1990-е годы в Болгарии, когда улицы и населенные пункты массово переименовывались, а памятники сносились или переносились. Толбухин стал Добричем, Станке Димитров - Дупницей, Михайловград - Монтаной, неоднократное покрытие барельефа Георгия Димитрова красной краской, незаконный и преступный демонтаж памятников Советской Армии, освободившей Европу, покрытие их красной краской и цветами украинского флага, попытка снести памятник Алеше в Пловдиве, попытки вмешательства против памятника русским освободителям и болгарским ополченцам на горе Шипка и т.д. Пожалуй, одним из самых острых столкновений, связанных с трансформацией мест сакрального и профанного в городском топосе, являются радикальные изменения. Это было вынос тела Георгия Димитрова из мавзолея и последующее болезненное и длительное разрушение самого мавзолея. Все эти процессы в той или иной степени были направлены на разрушение сакрального топоса преемницы бывшей коммунистической партии – Болгарской социалистической партии и ее ассоциированных

членов и сторонников. Все это привело к расколу и противостоянию общества (Hervieu-Leger 2000).

ПАРАДОКС ЭПОХИ ПОСТМОДЕРНА, КОТОРАЯ БОЛЬШЕ, ЧЕМ КОГДА-ЛИБО, ОРИЕНТИРОВАНА НА БУДУЩЕЕ И БОЛЬШЕ, ЧЕМ КОГДА-ЛИБО, НУЖДАЕТСЯ В ПРОШЛОМ

С большей скоростью, чем когда-либо прежде в истории, настоящее становится прошлым, и то, что грядет, отличается от того, что было известно раньше. Постоянная реконструкция памяти и историографии является результатом постоянных изменений сегодняшнего дня и ориентации на будущее. Вот почему даже сегодня битвы за историю острее, чем когда-либо.

Происходят радикальные изменения в индивидуальной и коллективной идентичности и усиливается агрессивность в защиту новых идентичностей и связанной с ними памяти и культуры фактов и событий. Очевидно, что культура памяти в отношении роли истории у традиционного, современного и постмодернистского человека существенно различается. Стабильная сущность современного человека становится изменчивой идентичностью, основанной на постоянном переписывании-искажении, фальсификации, изменении и подмене истории. То есть подмена истории страны становится удобным инструментом работы геополитических игроков, сумевших ее изменить. Это следствие геополитики и геостратегических целей, навязанных внешними, чуждыми нам факторами, такими как ЕС и Атлантический пакт. Эту неприемлемую политику продвигали и продвигают внутривосточные факторы, поставленные на службу зарубежным странам, такие как вышеупомянутые совокупности. Таким образом, вопрос ренегатства оказывается проблемой модерна, а не эпохи постмодерна, в которой идентичности быстро создаются и разрушаются и проецируются связанные с ними культура и память (Misztal 2004, 75).

КРИЗИС НАЦИОНАЛЬНОЙ ПАМЯТИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ И ФРАГМЕНТАЦИИ

С процессом глобализации мы имеем тенденцию к эрозии некогда великих национальных государств, массовых партий и

сообществ, что разрушает изобретенную ими память, и повсюду исследования указывают на растущую «безграмотность» по отношению к ключевым значениям и событиям этой памяти, которые для новых поколений не существуют, и происходят процессы коллективной амнезии, неотделимой от распада соответствующих идентичностей, что в свою очередь приводит к образованию новых сообществ, которые начинают изобретать свою идентичность и конструировать коллективную память.

С одной стороны, глобальные коммуникации и глобализация публичной сферы являются предпосылкой глобализации событий и зависимостей, а значит, и возникновения глобальных событий, которые становятся элементом восприятия прошлого. Упадку национальной культуры памяти способствовало появление экстерриториальных глобальных воспоминаний, распространение которых ускорилось благодаря скорости и образности, создаваемых глобальными коммуникациями. В то же время сокращение государственных расходов и большое количество памятников культуры и истории, их постоянное увеличение приводят к тому, что во многих местах государство не может о них заботиться и встает вопрос об их разрушении, приватизации в той или иной форме или переселение в недоступные или нераскрытые и неизвестные людям места. В Италии, например, шла дискуссия о приватизации Колизея, а у нас государство явно не может позаботиться о примерно 40 тысячах культурно-исторических памятников, связанных в той или иной степени с коллективной памятью болгарского народа. Это резко усугубляет проблемы с организацией мест памяти, поскольку этот процесс начинает выходить за рамки полномочий национального государства. Общая тенденция к приватизации приводит к разгосударствлению и приватизации музеев, музейных коллекций и различных памятных мест, что является частью процесса размывания прежнего национального государства. Конкуренция за право определять национальную историческую память возникает не только со стороны конкурирующих партий, но и со стороны различных группировок, влияния союзов государств, военно-политических блоков и частных лиц (Деянова 2004, 276).

С другой стороны, происходит процесс плюрализации и фрагментации современных обществ и, соответственно, плюрализации и фрагментации сообществ, перевода целого комплекса управленческих процессов на уровень «местной власти» или гражданских

организаций. Это предпосылка для эрозии истории, единых нарративов, идентичности, культуры памяти, созданных национальными государствами. Этому также способствуют огромные эмиграционные потоки и демографические изменения. Быстрые процессы создания и изменения сообществ приводят к постоянным перестройкам коллективной памяти, распаду одной формы коллективной памяти и возникновению новой. Распад, например, коллективной памяти СССР, Чехословакии или Югославии и возникновение форм коллективной памяти вновь возникающих образований являются типичными примерами этой тенденции. Когда происходит распад единой памяти и ее культуры, возникают кризисы предшествующих этнических наций. Новые религиозные и этнические идентичности возрождаются через реинтерпретацию местных этнических и религиозных дискурсов. По мнению некоторых авторов, это приводит к росту «малых воспоминаний» малых групп и сообществ всех типов, что также стимулирует возникновение локальных историй, новой памяти, несущей свою новую культуру любого рода. Так разворачиваются истории межгосударственных союзов, военных блоков, поселений, политических партий, общественных организаций, корпораций, институтов различного типа. В них претензии на принадлежность к соответствующей группе базируются, в принципе, на прошлом группы, которое, в свою очередь, обусловлено принятием определенной идентичности. В связи с кризисом сообществ и растущим поиском идентичности увеличивается использование прошлого. Оно становится главным экраном, на который борющиеся за идентичность сообщества проецируют свои противоречия, споры и конфликты, травматические воспоминания.

ТРАВМА КАК ИНСТРУМЕНТ ПАМЯТИ И КОНСТРУИРОВАНИЕ ИДЕНТИЧНОСТИ

Постмодернистская коллективная память, несущая свою корректирующую культуру, многими своими характеристиками напоминает психоаналитический феномен, поскольку скорость, необходимая для ее формирования, построения и реконструкции в условиях непрерывных изменений различных общностей, стирания социальных границ и идентичностей, такова, что не может стать традиционно медленно и постепенно. Быстрое формирование новых или укрепление, восстановление идентичностей проще

всего происходит через два основных механизма: первый – когда они формируются негативно, через негативную пропаганду по отношению к кому-то другому, через противостояние противнику и врагу. Объединение «рыхлой» группы людей и создание между ними чувства сопереживания и общности происходит быстрее и легче, объединяя их перед лицом общей опасности и врага. Второй механизм – это когда к негативной идентичности добавляется некоторая память в виде прошлых страданий, переживаний, опасностей, несправедливостей со стороны актуального врага, которому исторически необходимо было противостоять. Это значит соединить культуру памяти, которая является основой идентичности, с некоторыми травмами, проталкивающими определенные воспоминания в индивидуальное и коллективное бессознательное или их ускоренная забывчивость, отклонения и агрессивность (Castells 1997).

Травмы, вызванные событиями, воспринимаемыми как страдания, состояние жертвы или несправедливости со стороны «другого», становятся эмоциональными ядрами индивидуальной и коллективной памяти, вокруг которых располагаются и конструируются модели памяти о прошлом. В некоторых случаях это восприятие является виктимизацией, как, например, в Холокосте, Второй мировой войне, разрушении Югославии, Чехословакии, СССР, разжигании многочисленных войн по всему миру одной и той же страной или военным блоком и истребление коренных американцев в Америке, а в других это сочетается с уравниванием и прославлением реальных или воображаемых событий сопротивления.

Конструирование прошлых страданий становится в этой ситуации источником категорий, посредством которых группа конструирует свою идентичность и групповую самооценку. В коллективной памяти обычно присутствуют травматические события, придающие коллективному восприятию психоаналитический характер. Так обстоит дело в Германии с прошлым от бремени нацизма, во Франции с так называемым синдромом Виши, в нашей стране с Болгарской социалистической партией и чувством вины из-за прошлого, что делает ее поведение поддающимся психоаналитическому анализу.

Поначалу в истории присутствуют воспоминания о критических кризисных ситуациях. Травматические времена групповой или индивидуальной виктимизации сохраняются и анализируются, когда наследники тех, кого считают виновными в этих событиях,

все еще несут бремя сегодня. Вместе с чувством вины они воспринимаются как ключ к быстрому формированию идентичности в эпоху, воспринимаемую как время постоянной реконструкции и кризиса идентичностей. Травматические ситуации предполагают негативные механизмы формирования идентичности (коммунисты против антикоммунистов, болгары против турок и т. д.) и спекуляции памяти (Novick 1999).

Реанимация и чрезмерный акцент на прошлых травмах, травматическая память обретает новый статус в определении групповой идентичности в постмодернистскую эпоху взрывных инноваций, постоянных изменений и кризиса идентичности. Не случайно сегодня XXI век в целом воспринимается как самая травматичная эпоха современной истории со всеми ее войнами, убийствами и страданиями. Таким образом, эпоха в целом и настоящее уникально структурированы через травматический опыт. Холокост, который сейчас рассматривается как метафора конца модерна, во многом укрепляет идею о том, что сегодня прежде всего следует помнить только о жертвах, а воспоминания о страданиях прошлого являются мерой гуманистических и универсалистских идентификаций. В Африке, в Латинской Америке, среди американских негров и индейцев, в исламских странах именно травматические воспоминания о прошлой несправедливости, пришедшие с Запада, становятся основой формирования сегодняшних идентичностей и групповой политики памяти, предопределяя в свою очередь сегодняшние конфликты и требования к группам, воспринимаемым как наследники причинителей соответствующей травмы. Благодаря культуре памяти прошлые страдания превращаются в символ идентичности и в инструменты духовного обновления сообщества. Травма, рассматриваемая как коллективное явление, память о котором является общей и распространенной среди членов определенной группы, становится чем-то внешним, опирающимся на культурные механизмы своего проявления. Такой тип, как память, требует определенных повествовательных форм, и мы являемся свидетелями растущей важности культурной памяти, которая помогает конструировать центральную роль травмы и виктимизации с помощью культурных средств и культурных форм. Они проявляются через социальные институты и артефакты — памятники, фильмы, праздники, сувениры и т. д. Это одно из объяснений нового возникновения различных версий религий, поскольку поначалу религии

обязаны своим долгим существованием памяти о травмирующих ситуациях, посредством которых разворачивались события, которые они объясняют.

Формирование негативной идентичности, основанное на травматических спорах, приводит к установкам искать коллективную ответственность и вину со стороны «другого», связанного с проблемами и страданиями в прошлом, а также к ожиданиям компенсации за прошлые травмы. Поэтому извинения институтов и стран за прошлую несправедливость, совершенную по отношению к кому-то десятилетия и столетия назад, становятся все более частыми. Те, у кого есть память о жертвах, воспринимают наследников тех, кого они считают виновными в своих несчастьях, как носителей коллективной ответственности.

Требования о возмещении многовековых страданий растут — колониальные народы против бывших колониальных государств, коренные американцы против современных американцев, потомки бывших рабов против потомков рабовладельцев, различные группы, заявляющие, что пострадали во время войны, против современной Германии и т. д.

В Болгарии само формирование национальной идентичности содержит элементы травмированной идентичности народа — жертвы турецкого рабства, который замедлил свое развитие и отстал в истории из-за турок-османов, переживший бесчисленные худшие страдания, в том числе насильственную тюркизацию, описанные в таких романах, как «Време разделно», страдавший от того, что «турок свирепствует над отцовским очагом». Однако в 1980-х годах «Возродительный процесс» предоставил возможность укрепить травмированную коллективную идентичность турецкой общины в Болгарии, которая до сих пор используется Движением за права и свободы для формирования непроницаемого и зависимого электората. Это позволило совершенно по-другому воспринимать и конструировать память о прошлой истории. Известно, например, что в 1989 году, когда во время так называемой большой экскурсии в турецких регионах, фильм «Време разделно» вновь был выпущен в качестве пропаганды с целью объяснить турецкой общине, что они являются потомками тюркизированных болгар, в ряде мест турецкая молодежная аудитория отреагировала не с жалостью, а с удовлетворением на кадры злодеяний и с отношением типа „это-го они заслуживают“.

Ускоренные изменения в современных обществах разрушают предыдущие сообщества и связанные с ними память и идентичности, постоянно порождая потребность в быстром формировании новой памяти и идентичностей. Легче всего это сделать путем обновления, усиления и переформулирования прошлых травм и несправедливости в межобщинных отношениях, которые, становясь частью сегодняшней идентичности, переносятся в настоящее и становятся предпосылкой для столкновений и конфликтов. Это в определенном смысле делает верной идею Сэмюэля Хантингтона о «столкновении цивилизаций» (Berenbaum 1993; Hankins 1980; Butz 1980; Nordling 1991; Pressac 1993; Reitlinger 1968; Chech 1990; Berben 1975; Видал-Наке 2005), которую, однако, необходимо переформулировать как минимум в нескольких отношениях:

а) Столкновение происходит не между готовым и замороженным, а между культурными или цивилизационными идентичностями, реконструированными в процессе модернизации и трансформации.

б) В этом столкновении могут участвовать не только крупные цивилизации, но и множество более мелких культурных идентичностей внутри них, которые также имеют разные травматические воспоминания. Типичным примером являются столкновения шиитов и суннитов в исламском мире, аналогичные прежним столкновениям католиков и протестантов в Западной Европе.

в) Маргинальные, периферийные, воспринимающиеся как жертва, как пострадавшие от несправедливости, несущие прошлые страдания сообщества склонны – основываясь на этих стандартах жертвенного поведения – к самопожертвованию во имя определенных целей; это ключевой фактор в объяснении того, как исламистские террористы-смертники воспринимают другую сторону через память о крестовых походах, о колониальных и империалистических грабежах и насилии..

г) В свою очередь, травмированная память является основой гораздо более агрессивной идентичности.

ВОЗРАСТАЮЩАЯ ПОЛИТИЗАЦИЯ ПАМЯТИ И КУЛЬТУРЫ

Индивидуальные и коллективные субъекты занимают активную позицию в отношении памяти и проводят соответствующие

политики в отношении памяти, поскольку это важно для их безопасности и сохранения как таковых субъектов. С этой целью они проводят праздники и церемонии, создают символические среды, священные места памяти, вступают в конфликт с другими субъектами с альтернативным видением прошлого. Мемориалы — это память, дарованная армией, а историю пишут победители.

«Битвы за прошлое» играют роль инструмента легитимации настоящего. Дискурсы памяти используются стратегически не просто для объяснения группового прошлого, но и как источник идентичности группового настоящего (Деянова 2004, 276).

«Войны за наследие» или «битвы за память» связаны с процессом постоянных реинтерпретаций. Наполеон разграбил всю Европу и Северную Африку, чтобы доказать, что истинной наследницей Римской империи является Франция. В СССР построение коллективной идентичности привело ко всем великим историческим открытиям, связаны с русскими изобретателями. Чем больше кризис идентичности, тем настойчивее ищутся корни и намечаются попытки политики памяти, чтобы доказать значимость и устойчивость этой идентичности как можно дальше в истории. Например, игнорируется факт, что сегодняшние болгары совершенно отличаются от болгар VI, XIII или XVIII веков, что головокружительные исторические изменения, модернизация, радикальные изменения социальной среды сегодня создали продукт, который представляет собой очень бледное подобие того, что мы находим в далекой истории. Сегодняшний болгарин гораздо ближе к сегодняшнему русскому, сербскому, румынскому, чем к болгарскому, например, в XIII веке. Каждая нация представляет собой смесь различных комбинаций этнических групп. Каждое общество гетерогенно.

Использование памяти в качестве инструмента стабилизации коллективных идентичностей во времена быстрых изменений и кризиса этих идентичностей, характеризующие эпоху постмодерна, привело к растущей политизации памяти. Не прошлое влияет на настоящее, а настоящее постоянно меняет память о прошлом. В этом смысле настоящие причинно-следственные связи идут от настоящего к прошлому, а не от прошлого к настоящему.

Политизация идентичности и памяти во многом обусловлена глобализацией и представляет собой защитную реакцию сообществ против делокализованных культур.

Таким образом, память как травма может быть использована в политических целях. По мнению многих исследователей, примером такого рода злоупотребления травмой является тривиализация Холокоста, проявляющаяся в расцвете «индустрии Холокоста» и «коммерциализации еврейских страданий».

Не случайно Сталин, Хрущев, Живков и другие лидеры коммунистических государств уделяли серьезное внимание политике памяти, в частности, роли искусства в навязывании тех или иных образов прошлого (Проданов 2014).

Для них определенные образы памяти имеют мобилизующее значение. Советский Союз был стабильным до тех пор, пока он контролировал память и соответствующее представление о Ленине, Сталине и истории социализма.

В 90-е годы XX века битва между Союзом демократических сил и Болгарской социалистической партией в Болгарии была битвой разных конструкций о прошлом социализма – одной, в которой доминируют черные цвета страданий и катастроф, и другой – в которой мы имеем сочетание разных элементов в разных ингредиентах плюса и минуса в отдельных биографиях. Фактически, уже во время выборов в Великое Народное Собрание в 1990 году противоположная память о Болгарии через пресловутую «карту с черепами» — плакат с черепами на фоне контуров карты Болгарии как символ предыдущего периода — стала символом альтернативной памяти о прошлом, направленной на конструирование политической идентичности настоящего.

Культура памяти — центр борьбы за границы разных групп

Конфликтные отношения политических сил и группировок сегодня коррелируют с различным видением истории. Либералы, социалисты и консерваторы видят одну и ту же историю по-разному и привлекают единомышленников посредством специфической политики памяти.

В политиката историята се възприема като резервоар, от кой то се вадят различни неща — герои и мерзавци, мръсотия и саможертва. Тя е стимул и оръжие. Частицы истории становятся строительным материалом для новых и новых зданий, приводя к все новым и новым реконструкциям истории. Некоторые вещи всплывают в памяти, другие забываются. Идея Оруэлла о переписывании истории «Большим Братом» реализуется специфическим образом..

Битвы ведутся за могилы, исторические документы, атрибутику, за культурно-историческое наследие, потому что идентичности приравниваются к соответствующим точкам опоры памяти. Возродительный процесс в 1984-1985 годах основывался на соответствующей политике памяти.

Политизация памяти особенно сильна в индивидуальных биографиях общественных деятелей, занимающихся политикой. Поэтому, когда Джордж Буш баллотировался на пост президента, целые команды исследовали его прошлое, чтобы извлечь из него предосудительный факт и включить его в политическую битву. Тот факт, что три десятилетия назад он был задержан полицией за вождение в нетрезвом виде, стал поводом атаковать его, так же, как ранее на Билла Клинтона нападали за дезертирство с военной службы во время войны во Вьетнаме. Прошлое — реальное или воображаемое — становится компроматом — оружием в битвах настоящего (Margalit 2002).

НУЖНА ЛИ ЭТИКА-КУЛЬТУРА ПАМЯТИ?

Формирование травматической и ведущей к серьезным конфликтам, агрессивному этнонационализму, культурным войнам, религиозному терроризму коллективной памяти очевидно является и будет одной из существенных опасностей для человечества в XXI веке. Этический вопрос заключается в том, какая память совместима с построением справедливых политических институтов, которые служат людям и сообществам. Какова этически оправданная политика памяти? Нужна ли этика и культура памяти? Есть ли у нас обязательства помнить людей и события прошлого и что именно лучше помнить с моральной точки зрения?

Необходимо ли стимулировать, создавать, поощрять политическую этику памяти? Очевидно, что определенные моральные ограничения в построении индивидуальной и коллективной памяти имеют значение для политической этики памяти. Приведу пример в этой связи с известным нашим политиком из правого политического пространства, носящим оба имени своего деда, левого земледельца, убитого в 1925 году, в честь которого названа улица в городе Пловдив. В начале 90-х годов в Болгарии, когда переименовывали улицы и снимали мемориальные доски по городам, его поймали поздно ночью при попытке снять киркой мемориальную

доску своего деда, поскольку считает, что это ставит под угрозу его новую политическую карьеру. Такой тип отношения отдельного индивида к личной и родовой памяти заслуживает нравственной оценки недостойной мерзости.

Применительно к индивидуальной памяти следует учитывать, что радикальные изменения в памяти, возникающие при полном отрицании прошлых действий личности, могут привести к распаду личности как единого целого. Нравственная целостность личности предполагает определенные пределы изменения в процессе ее развития. Тип поведения, при котором изменение приводит к феномену «янычара», при котором вновь посвященный в определенные ценности становится жесточайшим агрессором, участником битв и конфликтов со своим предыдущим сообществом, является выражением проецирования чувства вины.

Нормальное нравственное развитие предполагает зрелость личности, при которой она рационально-критически переоценивает свое поведение с готовностью нести за него ответственность, а не перекладывает эту ответственность на окружающую среду, обстоятельства, ситуацию, время. Это память о хорошем, полученном вами, о людях, с которыми вы жили, и уважение к ним. Без такой памяти невозможны элементарные взаимодействия и доверие между индивидами. Чем больше память о хорошем, тем больше ресурс доверия в сообществах. Морально-позитивно воспринимаемая память является цементом для поддержания целостности сообществ.

Этика индивидуальной памяти связана еще и с тем, что ключевой характеристикой секуляризованных обществ является стремление личности «увековечить» себя, оставаясь позитивно в памяти других.

При этом, однако, считается, что память о прошлых несправедливостях и страданиях не должна приводить к переносу в сегодняшний день эмоций этих событий и неприятию того, кто их вызвал. По мнению Авиша Марглипто – хорошо не забывать, но быть готовым простить. Поэтому лучшая стратегия – оставить позади все травмирующие события, которые могут стать предпосылкой сегодняшних конфликтов и противостояний. Очевидно, например, что в отношениях между болгарами и турками мы не можем подходить с обновленными представлениями о том, как «турок бушует над отцовским очагом» и постоянно напоминать о Баташской резне. Сегодня более перспективной является реконструкция фактов

сотрудничества и взаимопомощи между двумя сообществами. Но и со стороны болгарских турок преувеличение того, что произошло в Возрожденном процессе, посредством таких понятий, как «геноцид» и навязчивое прославление террористов или людей, случайно пострадавших в тот период, противоречит политической этике памяти... (Margalit 2002)

Мы можем заключить, что непрерывные реконструкции памяти меняют культуру и являются коррективом к истории. Это также порождает с ней различные спекуляции, когда они таят в себе напряжение и опасность. Однако мы не можем обвинять сегодняшние поколения общества в несправедливости и жестокости его предшественников в истории, а также формировать свое отношение к этим поколениям на основе этих представлений. Рациональная дискуссия, в которой коллективная память должна быть максимально приближена к академической историографии, является важным направлением противодействия таким опасностям. Культуру памяти формируют интеллектуалы, которые знают, что сегодня было бы лучше, если бы мы могли не только помнить, но и забывать многое из прошлого, особенно то, что нас разделяло. Многие страны Европы – немцы, французы, бельгийцы и голландцы, греки, турки, сербы и болгары – решили оставить неприятные воспоминания о тяжелых конфликтах и взаимной несправедливости в прошлом, глядя в будущее. Попытка оставить в покое печальные тени прошлого и смотреть в будущее, как бы трудно это ни было, может быть, это утопия, но за любую позитивную утопию стоит бороться. В противном случае есть опасность, что мы окажемся сплошными жертвами оплодотворенных и превращенных в монстров печальных теней этого прошлого.

ЛИТЕРАТУРА

- Видал-Наке П. 2005. *Убийците на паметта: «Айхман от хартия» и други есета върху ревизионизма*. София: КХ.
- Деянова, Лилиана. 2004. „«Места на памет» — поглед от Изток.“ *Около Пиер Нора: Места на памет и конструиране на настоящето*. София.
- Знеполски, Ивайло. 2004. „Световният възход на паметта“. *Около Пиер Нора: Места на памет и конструиране на настоящето*. София: Дом на науките за човека и обществото.

- Калинова, Евгения, Баева Искра. 2000. *Българските преходи 1944–1989*. София: Тилиа.
- Конквест, Роберт. 1974. *Большой террор*. Firenze: Editioni Aurora.
- Проданов Васил. 2014. *Спекулации с паметта*. София. https://electronic-library.org/articles/Article_0203.html
- Тофлър, Алвин. 1992. *Шок от бъдещето*. София: Народна култура.
- Baddeley, Alan. 1989. „The Psychology of Remembering and Forgetting“. *Memory: History, Culture and the Mind*. Oxford.
- Berben, Paul. 1975. *Dachau 1933–1945: The Official History*. London: Norfolk Press.
- Berenbaum, Michael. 1993. *The World Must Know*. Boston: Little, Brown.
- Butz H., Arthur. 1980. „The International «Holocaust» controversy“. *The Journal of Historical Review*, vol. 1, no. 1, 5–22.
- Castells, Manuel *The Power of Identity*. 1997. Oxford : A John Wiley & Sons, Ltd.
- Czech Danuta. (ed). 1990. *Auschwitz Chronicle 1939–1945*. New York: Holt.
- Getty J. Arch, Rittesporn, Gabor T., Zemskov, Viktor. 1993. „Victims of the Soviet Penal System in the Pre-war Years: A First Approach on the Basis of Archival Evidence“. *The American Historical Review*, vol. 98, no. 4, 1017–1049.
- Halbwachs, Maurice. 1952. *Le scadres sociaux dela memoire*. Paris: Les Presses universitaires de France.
- Hankins, Frank. 1980. „How many Jews were eliminated by the Nazis?“. *The Journal of Historical Review*.
- Hervieu-Leger Daniele. 2000. *Religion as a Chain of Memory*. Oxford.
- Lavabre, Marie-Claire. 1992. *On Collective Memory*. Chicago: University of Chicago Press.
- Margalit, Avishai. 2002. *The Ethics of Memory*. Cambridge, Massachusetts, London: Harvard University Press.
- Millar, Laura. 2016. *Evidence, Memory and Knowledge: The Relationship between Memory and Archives*. 15th International Congress on Archives.
- Misztal Barbara. A. 2004. „The Sacralization of Memory“. *European Journal of Social Theory*, vol. 7, no. 1, 67–84.

- Nordling Carl O. 1991. „How Many Jews Died in the German Concentration Camps?“ *The Journal of Historical Review*, vol. 11, no. 3, 335 –344.
- Novick Peter. 1999. *The Holocaust in American Life*. Boston, MA : Houghton Mifflin.
- Pressac, Jean-Claude. 1993. *Les Crematoires d'Auschwitz. La Machinerie du meurtre de Masse*. Paris: C.N.R.S. EDITIONS.
- Reitlinger, Gerald. 1968. *The Final Solution: The attempt to examine the Jewsof Europe, 1939 - 1945*. London: Vallentine Mitchell & Co Ltd.
- Swidler Ann. 2001. *Talk of Love: How CultureMatter*. Chicago: University of Chicago Press.

Emil Milanov, Bulgaria

“International Slavic Community Perun-2000”

Sofia

CULTURAL MEMORY AS CORRECTION OF HISTORY

Abstract

Starting from the basic idea of a mutually determining relationship between history, memory and culture, i.e. from looking at the cultural memory as a corrective to history, the paper observes various mechanisms and social factors of this phenomenon. Continuous reconstructions of collective memory change the cultural memory, thus making it a significant corrective to history. A special emphasis is placed on the changes and contradictions brought by the postmodern era in relation to history and collective memory, on radical changes in the concept, character and speed of constituting and dismantling the identity of communities, as well as various prerequisites for the decline of national culture and the crisis of national memory, among which the negative effects of globalization are the leading ones. Due to the crisis of communities and the increasing search for identity, the use of the past is increasing in the struggle of communities for identity and primacy. Communities project their contradictions, disputes and conflicts into the past. Collective traumas thus become a means of constraining the memory and identity of the community. Their political use leads to serious conflicts, aggressive ethno-nationalism, culture wars and religious terrorism, and as such is one of the significant dangers for humanity in the 21st century. This leads us to the ethical question of what kind of memory is compatible with building just political institutions that serve people and communities and what is an ethically justified politics of memory.

Keywords: *History, memory, culture, identity geopolitics, globalization*